

ВЕРХОВНЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О П Р Е Д Е Л Е Н И Е

от 28 сентября 2020 года № 310-ЭС20-7837

г. Москва

Дело № А23-6235/2015

Резолютивная часть определения объявлена 21 сентября 2020 года.

Полный текст определения изготовлен 28 сентября 2020 года.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации в составе:

председательствующего судьи Букиной И.А.,
судей Капкаева Д.В. и Самуйлова С.В. –

рассмотрела в открытом судебном заседании кассационную жалобу Кузина Сергея Аркадьевича на определение Арбитражного суда Калужской области от 12.09.2018, постановление Двдцатого арбитражного апелляционного суда от 18.11.2019 и постановление Арбитражного суда Центрального округа от 12.02.2020 по делу № А23-6235/2015 о несостоятельности (банкротстве) общества с ограниченной ответственностью «Егорье» (далее – должник, общество).

В судебном заседании приняли участие представители:

Кузина С.А. – Аванесова Д.И. по доверенности от 02.02.2020;

Круглякова Алексея Игоревича – Белобров В.В. по доверенности от 29.03.2019;

закрытого акционерного общества Научно-производственная компания «Геотехнология» – Ноготков А.И. по доверенности от 31.07.2020.

Заслушав доклад судьи Верховного Суда Российской Федерации Букиной И.А. и объяснения представителей участвующих в обособленном споре лиц, Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации

У С Т А Н О В И Л А:

в рамках дела о банкротстве общества кредиторы Кругляков Алексей Игоревич и ЗАО НПК «Геотехнология» обратились с заявлениями о привлечении бывшего руководителя должника Кузина Никиты Сергеевича и его участника Кузина С.А. к субсидиарной ответственности. Указанные заявления объединены для совместного рассмотрения.

Определением суда первой инстанции от 12.09.2018, оставленным без изменения постановлениями судов апелляционной инстанции от 18.11.2019 и округа от 12.02.2020, заявления удовлетворены, с Кузина Н.С. и Кузина С.А. в порядке субсидиарной ответственности в пользу должника взыскано солидарно 75 763 961,58 руб.

Кузин С.А. обратился в Верховный Суд Российской Федерации с кассационной жалобой, в которой просит обжалуемые судебные акты отменить.

Определением Верховного Суда Российской Федерации от 03.08.2020 (судья Букина И.А.) кассационная жалоба вместе с делом переданы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации.

Перед судебным заседанием от конкурсного управляющего поступило заявление о рассмотрении дела в его отсутствие.

В отзывах на кассационную жалобу Кругляков Алексей Игоревич и ЗАО НПК «Геотехнология» просят обжалуемые судебные акты оставить без изменения.

В судебном заседании представитель Кузина С.А. поддержал доводы, изложенные в кассационной жалобе, а представители Круглякова Алексея Игоревича и ЗАО НПК «Геотехнология» возражали против ее удовлетворения.

Проверив материалы обособленного спора, обсудив доводы, изложенные в кассационной жалобе и отзывах на нее, выслушав представителей участвующих в деле лиц, Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации считает, что обжалуемые судебные акты подлежат отмене по следующим основаниям.

Как установлено судами и следует из материалов дела, Кузин Н.С. являлся генеральным директором общества в период с 29.11.2011 по 10.12.2015 (дата открытия конкурсного производства).

Кроме того, ему принадлежит 8,5 % в уставном капитале должника. Кузину С.А. принадлежит 51 % в уставном капитале общества.

Иными участниками должника являются Копенкин Александр Константинович (8,5%) и Кругляков Антон Игоревич (17 %), также самому должнику принадлежит доля в уставном капитале в размере 15 %.

Обращаясь с заявлениями о привлечении Кузиных к субсидиарной ответственности, кредиторы ссылались как на нарушение ответчиками обязанности по своевременному обращению с заявлением должника о собственном банкротстве, так и на то, что в результате действий ответчиков стало невозможным удовлетворить требования конкурсных кредиторов.

Разрешая спор в части требований по первому эпизоду (несвоевременное обращение с заявлением должника), суды сослались на положения статьи 9, пункта 2 статьи 10 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (здесь и далее в части, касающейся материально-правовых норм, в редакции Федерального закона от 28.06.2013 № 134-ФЗ) и исходили из следующего.

При рассмотрении спора в суде первой инстанции была проведена экспертиза по вопросу о дате возникновения у должника признаков неплатежеспособности (недостаточности имущества), по результатам которой эксперты указали, что соответствующие признаки возникли по состоянию на 24.07.2013.

Исходя из этого суды пришли к выводу, что руководитель должника (Кузин Н.С.) не позднее 24.08.2013 должен был обратиться с заявлением о банкротстве, что им сделано не было.

При этом относительно требований по указанным основаниям ко второму ответчику (Кузину С.А.) суды отметили, что он в силу близких родственных связей с руководителем должника Кузиным Н.С., а также в силу преобладающего влияния в уставном капитале общества знал об имеющейся неплатежеспособности должника и мог дать указания директору Кузину Н.С. обратиться с заявлением о банкротстве, также он мог проинформировать незаинтересованных кредиторов и контрагентов о тяжелом финансовом положении общества с целью принятия ими правильного решения относительно выстраивания дальнейших взаимоотношений с должником. Суды отметили, что Кузин С.А., не выполнив указанной обязанности, как выгодоприобретатель от сложившейся ситуации также считается виновным в несвоевременном обращении с заявлением о банкротстве в силу статей 1, 10, 15, пункта 3 статьи 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Определяя размер ответственности Кузиных по названному основанию, суд первой инстанции указал, что после 24.08.2013 у

должника возникли обязательства на сумму 73 057 022,43 руб., при этом суд учел обязательства, вытекающие из договоров, заключенных в период с 2008 года по 2014 год (страницы 9-11 определения).

Заявляя требования в рамках второго основания (невозможность удовлетворения требований кредиторов), истцы ссылались на наличие трех презумпций в подтверждение своих доводов: 1) непередача документации конкурсному управляющему; 2) совершение убыточных сделок; 3) искажение данных бухгалтерской и иной финансовой отчетности.

Разрешая спор по второму эпизоду, суды, основываясь на показаниях конкурсного управляющего, установили факт передачи ему документации, в силу чего отклонили ссылку истцов на соответствующую презумпцию.

Относительно совершения убыточных сделок суды, руководствуясь положениями пункта 4 статьи 10 Закона о банкротстве, отметили следующее. Часть обязательств должника возникла в результате заключения договоров поручительства в целях обеспечения исполнения обязательств общества «Агротон» перед обществом «НИК-центр» (правопреемник – общество «Технон») по договорам займа. Суды отметили, что как заемщик, так и займодавец в названных отношениях были подконтрольны Кузину С.А., что указывает на недобросовестный характер обеспечительных сделок.

Кроме того, суды указали, что в преддверии банкротства в 2013 году ответчики часть принадлежащих им долей в уставном капитале общества продали самому обществу (Кузин Н.С. – 1,5 %, а Кузин С.А. – 9 %) по цене за одну долю 663 375 руб. при ее рыночной стоимости 3 525 руб.

Исходя из названных обстоятельств суды сочли, что ответчиками были инициированы существенно убыточные для должника сделки, которые свидетельствуют о наличии причинно-следственной связи между их действиями и банкротством общества.

Также суды нашли обоснованными доводы о том, что ответчиками были искажены данные отчетности должника. Так, суды признали недостоверными отраженные в бухгалтерском балансе сведения об активах должника (отсутствуют первичные документы, подтверждающие наличие актива или данные о его выбытии из собственности должника), а также признали несоответствующими действительности отраженные в балансе сведения о кредиторской задолженности общества.

Учитывая изложенное, суды пришли к выводу о доказанности наличия второго основания для привлечения Кузиных к субсидиарной ответственности, в связи с чем удовлетворили заявления кредиторов в полном объеме.

Между тем судами не учтено следующее.

I. Несвоевременное обращение с заявлением о банкротстве должника.

Как указали суды, с учетом возникновения признаков неплатежеспособности 24.07.2013 руководитель должника был обязан обратиться с заявлением о банкротстве не позднее 24.08.2013, что им сделано не было. В связи с этим суды сочли, что Кузины подлежат привлечению к субсидиарной ответственности по обязательствам, возникшим за период, начиная с последней из указанных дат до возбуждения дела о банкротстве (12.11.2015). При расчете соответствующей задолженности суды сослались на договоры, заключенные в период с 2008 года по 2014 год (страницы 9-11 определения суда первой инстанции).

Вместе с тем из установленных судами обстоятельств дела следует, что основная часть обязательств возникла до 24.08.2013. Тем самым суды фактически квалифицировали срок возникновения обязательства в качестве срока его исполнения, ошибочно смешав названные понятия. Как указано в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 06.07.2017 № 303-ЭС17-2748, срок исполнения денежного обязательства не всегда совпадает с датой возникновения самого обязательства. Требование существует независимо от того, наступил ли срок его исполнения либо нет. Таким образом, решая вопрос о том, какие обязательства могут быть отнесены к периоду с момента истечения срока на подачу заявления о банкротстве до даты возбуждения дела, на судах лежит задача попредметно проанализировать положенные в основание требований к должнику сделки, принимая во внимание правовую природу соответствующих обязательств, и с учетом этого определять, относится ли возникновение требования к спорному периоду либо нет.

Необходимо также отметить, что ссылаясь на возникновение неплатежеспособности с 24.07.2013, суды опирались на результаты судебной экспертизы по соответствующему вопросу. Однако неплатежеспособность, с точки зрения законодательства о банкротстве, является юридической категорией, определение наличия которой относится к исключительной компетенции судов, равно как и категории добросовестности, разумности, злоупотребления, вины и проч. По смыслу положений арбитражного процессуального законодательства перед экспертом может быть поставлен только вопрос факта (в данном случае оценка финансового состояния должника), в то время как установление признаков неплатежеспособности относится к вопросам права, в силу чего основанный исключительно на заключении судебной экспертизы вывод судов о неплатежеспособности должника, начиная с 24.07.2013, является также ошибочным.

Кроме того, привлекая Кузину С.А. к ответственности по

названному основанию и указывая, что он в силу преобладающего влияния в уставном капитале общества знал об имеющейся неплатежеспособности должника и мог дать указания директору Кузину Н.С. обратиться с заявлением о банкротстве, суды не учли следующее. Если исходить из установленного судами периода неплатежеспособности, предшествовавшего возбуждению дела о банкротстве (2013-2015 гг.), то к спорным отношениям подлежит применению Закон о банкротстве в редакции Федерального закона от 28.06.2013 № 134-ФЗ. При этом данная редакция в отличие от ныне действующих правил (пункт 3.1 статьи 9 Закона о банкротстве в редакции Федерального закона от 29.07.2017 № 266-ФЗ, пункт 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» (далее – постановление № 53)) не предусматривала ни права, ни обязанности органа управления, к компетенции которого отнесено разрешение вопроса о ликвидации должника, обращаться в суд с заявлением о банкротстве должника.

II. Невозможность погашения требований кредиторов.

Признавая доказанным наличие оснований для привлечения Кузиных к ответственности за невозможность погашения требований кредиторов, суды сослались на три ключевых обстоятельства: во-первых, на факт выдачи должником поручительства за аффилированное с Кузиным С.А. лицо; во-вторых, на факт реализации самому обществу частей принадлежащих Кузиным долей по завышенной цене; и в-третьих, на искажение данных отчетности должника.

Однако в отношении первого обстоятельства суды не учли, что постановлением Арбитражного суда Центрального округа от 01.08.2017 по настоящему делу требования, основанные на спорном договоре поручительства, включены в реестр. При этом судом округа в данном постановлении сделан вывод об отсутствии оснований полагать, что договор поручительства является недействительным, в частности мнимым (страница 9 постановления). Таким образом, с учетом положений статей 16 и 69 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации названный договор не мог быть противопоставлен Кузиным в рамках иска о привлечении их к субсидиарной ответственности, так как судами ранее не была усмотрена недобросовестность в поведении органов управления общества при заключении этого договора (применительно к абзацу пятому пункта 23 Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» (далее – постановление № 53)).

В отношении сделок по продаже самому обществу частей долей в уставном капитале судами в нарушение положений статей 168, 170, 271 и 289 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации не приведены мотивы, по которым суды отклонили возражения ответчиков (приводимые на всем протяжении рассмотрения обособленного спора). В частности, ответчики обращали внимание судов на то, что, во-первых, сделки по продаже долей самому должнику по аналогичной цене были заключены со всеми участниками общества, а не только с Кузиными; и во-вторых, фактическая оплата со стороны должника за указанные доли не осуществлялась: в обществе не велась касса, при этом исходя из данных по выписке с расчетного счета соответствующие перечисления денежных средств в адрес продавцов не осуществлялись. Однако суды в нарушение положений процессуального законодательства фактически проигнорировали названные доводы, не выяснив, действительно ли должнику и его кредиторам от упомянутых сделок был причинен вред.

В отношении искажения данных отчетности должника. Делая вывод, что записи в отчетности должника носили формальный характер и не отражали реальное положение дел, суды вопреки разъяснениям абзаца четвертого пункта 24 постановления № 53 не указали, как названный факт повлиял в негативную сторону на проведение процедур банкротства с учетом того, что сами суды признали состоявшейся передачу конкурсному управляющему всей документации о хозяйственной деятельности должника.

III. Корпоративный конфликт.

При рассмотрении спора Кузины ссылались на то, что в обществе имеет место корпоративный конфликт между группой Кузиных и группой Кругляковых, при этом более 90 % требований кредиторов, включенных в реестр, принадлежит сторонам данного конфликта. По мнению Кузиных, предъявление иска о привлечении их к субсидиарной ответственности является средством давления в рамках имеющегося спора между участниками общества.

Отклоняя названный довод, суд первой инстанции указал, что аффилированность между участником должника Кругляковым Антоном, а также кредиторами Кругляковым Алексеем и ЗАО НПК «Геотехнология» не подтверждена. При этом суд сослался на решение Хорошевского районного суда города Москвы от 20.10.2015 по делу № 2-5348/2015, которым родственные отношения между Кругляковыми Антоном и Алексеем признаны недоказанными.

Вместе с тем, аффилированность лиц может проистекать не только из их родственных отношений, но и являться фактической. Кроме того, юридическая аффилированность может быть подтверждена через принадлежность сторон к одной группе лиц (в частности, посредством нахождения в органах юридического лица). Опровергая

связанность Кругляковых между собой, их представители (в том числе в судебном заседании, состоявшемся в Верховном Суде Российской Федерации) по существу не опровергли позицию Кузиных об аффилированности Кругляковых, основанную на совокупности следующих обстоятельств:

- участник общества (Кругляков Антон), а также лицо, являющееся одним из его основных кредиторов (Кругляков Алексей), имеют одни и те же фамилии и отчества (Кругляков и Игоревич);

- Кругляков Антон и Кругляков Алексей наряду с Кругляковым Игорем входили в совет директоров другого крупного кредитора должника – ЗАО НПК «Геотехнология»;

- от имени этого крупного кредитора договор займа с должником подписывал участник должника (Кругляков Антон);

- неаффилированный, по свидетельству истцов, с ЗАО НПК «Геотехнология» Кругляков Антон, в то же самое время являлся директором по экономике и финансам в данной организации;

- Кругляков Алексей и ЗАО НПК «Геотехнология» стали предоставлять должнику займы только после вхождения Круглякова Антона в состав участников общества в 2011 году, соответственно, требования названных кредиторов не возникли бы, будь они не аффилированными лицами по отношению к должнику через его участника Круглякова Антона и проч.

Столь значительное количество совпадений не может быть объяснено обычной случайностью и стечением обстоятельств. Совокупность приведенных доводов и отсутствие иных рациональных объяснений позволяли прийти к выводу о том, что наиболее вероятный вариант развития событий заключается в наличии между названными лицами, как минимум, фактической аффилированности, что обуславливает как существование у них общих экономических интересов, так и занятие единой, согласованной и скоординированной процессуальной стратегии в рамках настоящего дела о банкротстве.

Представитель Кузина С.А. в судебном заседании пояснил, что требования независимых кредиторов (уполномоченного органа и администрации Медынского района) составляют в реестре незначительную часть (около 2 млн. руб. от общей суммы 75 млн. руб.), остальные требования принадлежат участникам должника и связанным с ними лицам.

Если доводы об имеющемся в обществе корпоративном конфликте соответствуют действительности, то судам необходимо было исходить из следующего.

Согласно позиции, изложенной в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 06.08.2018 № 308-ЭС17-6757 (2, 3), иск о привлечении к субсидиарной ответственности является групповым косвенным иском,

так как предполагает предъявление полномочным лицом в интересах группы лиц, объединяющей правовое сообщество кредиторов должника, требования к контролирующим лицам, направленного на компенсацию последствий их негативных действий по доведению должника до банкротства.

Наряду с конкурсным оспариванием (которое так же осуществляется посредством предъявления косвенного иска) институт субсидиарной ответственности является правовым механизмом защиты нарушенных прав конкурсных кредиторов, возмещения причиненного им вреда.

В отношении конкурсного оспаривания судебной практикой выработано толкование, согласно которому при разрешении такого требования имущественные интересы сообщества кредиторов несостоятельного лица противопоставляются интересам контрагента (выгодоприобретателя) по сделке. Соответственно, право на конкурсное оспаривание в материальном смысле возникает только тогда, когда сделкой нарушается баланс интересов названного сообщества кредиторов и контрагента (выгодоприобретателя), последний получает то, на что справедливо рассчитывали первые (определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 03.08.2020 № 306-ЭС20-2155, от 26.08.2020 № 305-ЭС20-5613).

Равным образом при разрешении требования о привлечении к субсидиарной ответственности интересы кредиторов противопоставляются лицам, управлявшим должником, контролировавшим его финансово-хозяйственную деятельность. Таким образом, требование о привлечении к субсидиарной ответственности в материально-правовом смысле принадлежит независимым от должника кредиторам, является исключительно их средством защиты. (Именно поэтому в том числе абзац третий пункта 11 статьи 61.11 Закона о банкротстве в настоящее время устанавливает правило, согласно которому в размер субсидиарной ответственности не включаются требования, принадлежащие ответчику либо заинтересованным по отношению к нему лицам).

Однако, по утверждению Кузиных, в рассматриваемом случае истцы и их аффилированные лица сами являлись причастными к управлению должником, то есть они не имеют статуса независимых кредиторов, что лишает их возможности заявлять требование о привлечении к субсидиарной ответственности. Предъявление подобного иска по существу может быть расценено как попытка Кругляковых компенсировать последствия своих неудачных действий по вхождению в капитал должника и инвестированию в его бизнес. В то же время механизм привлечения к субсидиарной ответственности не может быть использован для разрешения корпоративных споров.

Если Кругляковы полагали, что Кузины как их партнеры по бизнесу действовали неразумно или недобросовестно по отношению к обществу, то они не были лишены возможности прибегнуть к средствам защиты, имеющимся в арсенале корпоративного (но не банкротного) законодательства, в частности, предъявление требований о взыскании убытков, исключении из общества, оспаривание сделок по корпоративным основаниям и проч.

Таким образом, вопрос о связанности Круглякова Алексея и ЗАО НПК «Геотехнология» с Кругляковым Антоном (участником должника) имел существенное значение для определения взаимного статуса участников процесса по отношению друг к другу и правильного разрешения спора, однако суды данные обстоятельства не выяснили.

В связи с тем, что в принятых по обособленному спору судебных актах содержатся нарушения норм права, которые повлияли на исход рассмотрения дела и без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов Кузина С.А. в сфере предпринимательской деятельности, данные судебные акты на основании части 1 статьи 291.11 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации подлежат отмене с направлением спора на новое рассмотрение.

Руководствуясь статьями 291.11 – 291.14 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации

О П Р Е Д Е Л И Л А:

определение Арбитражного суда Калужской области от 12.09.2018, постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 18.11.2019 и постановление Арбитражного суда Центрального округа от 12.02.2020 по делу № А23-6235/2015 отменить.

Обособленный спор направить на новое рассмотрение в Арбитражный суд Калужской области.

Председательствующий-судья

И.А. Букина

судья

Д.В. Капкаев

судья

С.В. Самуйлов